Статьи. Исследования

Павел Степанцов

Как «видят» университеты: от теории организаций к социальной топологии

Статья посвящена анализу «различительной способности университетов». Основной вопрос, на который пытается ответить автор, можно сформулировать следующим образом: что могут «видеть» университеты, а что остается в зоне их «слепого пятна». Данная тема является относительно новой для социологии образования, поэтому для ее развития предлагается разработать новый теоретический язык — язык социальной топологии университета. Последняя позволяет увидеть университет не как субстанцию, институт, пассивного объекта или игрока, встроенного в институциональные игры, а как сеть отношений между ключевыми актантами. «Различительная способность» университета понимается, таким образом, как необходимое условие выстраивания отношений между агентами внутри- и внешнеполитических сред отношений.

Ключевые слова: Высшее образование, социальная топология, различение, гомеоморфные и негомеоморфные преобразования.

Павел Михайлович Степанцов — социолог (ВШЭ, 2010, степень MA in Sociology Манчестерского университета). Аспирант кафедры Анализа социальных институтов НИУ-ВШЭ, старший научный сотрудник Центра социологических исследований при ИПЭИ РАНХиГС. Преподаватель Московской школы социальных и экономических наук, старший преподаватель Философско-социологического факультета РАНХиГС.

Данная статья выполнена по результатам ннаучно-исследовательской работы, проведенной Центром социологических исследований РАНХиГС в 2012 году по теме «Университет в политике и политика в университете. Социальная топология российского высшего образования». Часть используемых в статье данных была получена ранее в ходе реализации проекта «Трансформация университетской среды в России: социальная миссия вузов, механика образовательного выбора и производство политической культуры» по заказу Института общественного проектирования.

Введение

Поле изучения университетов и университетской жизни может быть, в общем виде, разделено между двумя подходами. Первый, институциональный, акцентирует внимание на изучении влияния внешних институциональных контекстов на жизнь Университета, в то время как второй — неоинституциональный — изучает то, как деятельность и существование самой университетской жизни трансформирует окружающие институциональные среды.

Исследования, разделяющие базовые установки *институционального* подхода, рассматривают процессы, проходящие в Университете, как изоморфные тем, что имеют место в любом социальном институте[1]. Существует ряд работ, в которых этот подход представлен наиболее ярко. В большинстве из них постулируется прямая зависимость организации университетской жизни от институциональных особенностей высшего образования, социальных, экономических, политических условий или общекультурных контекстов. Так, например, в наиболее общем виде институциональный подход может изучать связь между условиями существования «большого общества» («larger society») и структурой специализаций, по которым университет осуществляет подготовку[2].

Важно, что набор внешних детерминант университетской жизни предельно разнообразен. Это могут быть и экономические детерминанты (то, как бюджетирование университетов влияет на ад-

1 Например, ряд исследований рассматривает процессы расовой дискриминации в университетах. Они обсуждают влияние позитивной и негативной дискриминации на институциональную организацию высшего образования (см., например, Beverly L. Toward conceptual, policy, and programmatic frameworks of affirmative action in South African Universities // Journal of Negro Education. Vol. 66, № 4; Education in a New South Africa: The Crises of Conflict, the Challenges of Change. 1997, Autumn. P. 522–538), составляют рейтинги дискриминативности университетов на основании соотношения белых и черных профессоров (Ranking America's leading universities on their success in integrating African Americans // The Journal of Blacks in Higher Education. No. 36 (Summer 2002). pp. 87–98) или обсуждают значения расовых различий при поступлении в университеты и колледжи (Bennett P. R., Xie Y. Revisiting racial differences in college attendance: the role of historically black colleges and universities // American Sociological Review. Vol. 68. No. 4 (August 2003). pp. 567–580). Они не акцентируют внимание читателей на наличии или отсутствии особой институциональной организации университетов или процессов, специфичных для высшего образования. Университет рассматривается подобно любому другому институту, в котором могут иметь место дискриминативные процессы.

2 См., например: Wagooner G. R. Latin-American Universities // The Journal of Higher Education. 1969. Vol. 40, № 5. P. 402–405.

министративные решения и внутренний распорядок (curriculum) университетов, изучалось в работах Вилдавски и Тонн[1]), и административно-правовые решения[2], и даже культурные особенности внешней среды существования университета[3].

Независимо от выбранного угла рассмотрения институциональных особенностей организации университетской жизни, в рамках институционального подхода Университет рассматривается почти исключительно как пассивная организация, вынужденная приспосабливаться к изменениям внешней среды. Порядок внутриуниверситетских процессов — а также их изменения — объясняется влиянием внешних институциональных условий. Поэтому особо важным становится изучение стратегий адаптации университетов. Так, например, Шмидтляйн и Тейлор[4] рассматривают, каким образом университеты, чтобы адаптироваться к изменениям во внешних средах, вынуждены вырабатывать новые стратегии приспособления.

В противоположность институциональному, в рамках *неоинституционального* подхода исследователей интересует не столько то, как университет подстраивается под изменчивые условия внешней среды, сколько роль самих университетов в процессах производства, воспроизводства и изменения социальных, экономических и политических институциональных сред. Университет превращается из пассивного рецептора внешних изменений в активного игрока.

Рост интереса социологов к неоинституциональному подходу был реакцией на серию студенческих волнений, охвативших Европу и США в конце 60-х — начале 70-х гг. XX века. В это время исследователи начали замечать, что университеты «стали важной интегративной частью правительственной политики в современном обществе»[5]. В ряде лонгитюдных исследований изучается, как

1 Wildavsky A. Political Implications of Budgetary Reform // Public Administration Review. 1961. Vol. 21. P. 183–190; Tonn J. C. Political Behavior in Higher Education Budgeting // The Journal of Higher Education. 1978. Vol. 49, № 6. P. 575–587.

2 McLendon M. K., Hearn J. C., Deaton R. Called to account: analyzing the origins and spread of state performance-accountability policies for higher education // Educational Evaluation and Policy Analysis. 2006. Vol. 28, № 1. P. 1–24.

3 Shillony B. A. Universities and Students in Wartime Japan // The Journal of Asian Studies. 1986. Vol. 45, № 4. P. 769–787.

4 Shmidtlein F., Taylor A. Processes Employed by Graduate/Research Universities in Response to Strategic Issues // Tertiary Education and Management. 1997. Vol. 3, № 1. P. 52–62.

5 Waldo D. The University in Relation to the Governmental-Political // Public Administration Review. Vol. 30. March/April 1970. P. 111.

изменившаяся политика в отношении высшего образования в 60-х годах повлияла на индивидуальные политические ориентации и на политические тренды в целом[1].

Студенческие волнения заставили социальных ученых обратить внимание на то, что университеты являются активными акторами, которые в долгосрочной перспективе сами могут создавать окружающую институциональную среду посредством трансформации взглядов студентов, их социально-политических установок и ожиданий. Так, Ф. Олафсон[2], обсуждая связь между институциональной организацией университетской жизни и процессами демократизации американского общества, утверждает: «демократические изменения, проходящие в американских университетах, отражают уверенность в том, каким должно быть отношение университетов и общества в целом, из которого они набирают своих студентов и к которому они обращаются за поддержкой. Эти изменения требуют изменения установившихся практик и приоритетов внутри университетов, которые сделают соотношение университетов и демократического этоса американского общества более гармоничными»[3].

Далее Олафсон проводит параллель между демократизацией американского общества и развитием студенческого самоуправления.

Независимо от того, изучается ли Университет в рамках институционального или неоинституционального подходов, он рассматривается как всего лишь один из множества разнородных объектов, встроенных в институциональные контексты политических, экономических или административно-правовых игр. Неважно, может университет сам быть активным игроком — или лишь пассивно адаптироваться к меняющимся внешним условиям. Главное — *его внутренняя организация и процессы принятия решений остаются для исследователя «черным ящиком».* Причина этого в том, что оба подхода исходят из общей метафоры: университет понимается как более или менее цельная «вещь» — организм, институт, иными словами — субстанция, обладающая теми или иными качествами, он — цельный объект, занимающий свое место в институциональном поле среди других объектов.

---

1 См., например: Hofferbert R. I. Socioeconomic Dimensions of the American States: 1890–1960 // Midwest Journal of Political Science. Vol. 12. August 1968. P. 401–418 или Sharkansky I. Economic and Political Correlates of State Government Expenditures // Midwest Journal of Political Science. Vol. 11. May 1967. P. 173–192.

2 Olafson F. A. Democracy, «High Culture», and the Universities // Philosophy and Public Affairs. 1973. Vol. 2, № 4. P. 385–406.

3 Ibid., P. 386.

Между тем, в последнее время намечается внятная тенденция переопределения университета и университетской жизни в рамках «организационного подхода». В современных исследованиях *университета как организации* акцент делается на его «составном характере»: университет — это организация, объединяющая в себе множество контрагентов, борющихся и кооперирующихся друг с другом, конкурирующих или совместно принимающих решения.

Основания этого подхода можно найти в работе Эдварда Гросса «Университеты как организации: исследовательский подход»[1]. Он одним из первых проанализировал возможность применения оптики организационного подхода к изучению университетской жизни. По мнению Гросса, прежде университеты рассматривались как институты, производящие необходимый обществу продукт или как сообщества, имеющие и воспроизводящие определенную «атмосферу» и являющиеся «домом» для студентов и преподавателей. Однако подходы, подчеркивающие исключительно институциональную сторону жизни университетов, игнорировали *внутреннюю организационную структуру* университета, которая, по сути, сама по себе предопределяет основные процессы и трансформации университетской жизни. В отличие от институционального и неоинституционального подходов, работа Гросса позволила переместить фокус исследовательского внимания с макро-процессов встроенности университетов во внешние институциональные среды на микроизучение организации университетской жизни, взаимодействия различных контрагентов на внутреннем и внешнем уровнях.

Организационный подход дает возможность увидеть как внутриуниверситеские процессы принятия решений и конкуренцию между агентами[2], так и связь университетской организации с внешними по отношению к университету агентами (так, например, Д. Коэн анализирует отношения между образовательной политикой и организацией преподавания в университетах). Исследователей в рамках организационного подхода, в первую очередь, интересуют следующие вопросы: какого рода организацией является университет?; чем именно определяется специфика его организационных черт?; какие процессы специфичны для университетской организации?

Здесь важно, что в современных организационных исследованиях происходит отказ от субстанциального определения университета и его среды в пользу реляционистских подходов. Иными

1 Gross E. Universities as Organizations: A Research Approach // American Sociological Review. 1968. Vol. 33, № 4. P. 518–544.

2 См., например: Hardy C. Configuration and Strategy Making in Universities: Broadening the Scope // The Journal of Higher Education. 1991. Vol. 62, № 4. P. 363–393.

словами, университет не должен мыслиться по аналогии с социальным институтом, встроенным в другие обширные институциональные среды. *Университет — не вещь и не совокупность вещей.* Скорее, речь должна идти об университете и его среде как о совокупности отношений между агентами. Причем, так же, как агенты внутри университета формируют устойчивые конфигурации отношений (которые, по сути, и являются «университетом»), отношения между самими университетами и другими агентами (школами, ассоциациями работодателей, политическими партиями, церковью, органами управления, организациями третьего сектора) формируют университетскую среду.

Проще говоря, и Университет, и университетская среда определяются как совокупность отношений. Такое изменение языка социологии университетской жизни можно провести с опорой на несколько актуальных теоретических ресурсов, среди которых центральное место занимает социальная топология.

Социальная топология Университета

Топология изучает общие свойства пространственных конфигураций (объектов) и их трансформации. В социологию идеи топологии были импортированы Джоном Ло. Социальная топология определяет любой объект или организацию, в том числе и университет, как сеть — сеть агентов и отношений между ними.

«Например, корабль может быть представлен в виде сети — сети остовов, рангоутов, парусов, канатов, пушек, складов продовольствия, кают и самой команды, С другой стороны, при более обобщенном рассмотрении, навигационная система, со всеми ее эфемеридами, астролябиями и квадрантами, таблицами расчетов, картами, штурманами и звездами, также может быть рассмотрена как сеть. Далее, при еще более отстраненном анализе, вся португальская имперская система в целом, с ее портами и пакгаузами, кораблями, военными диспозициями, рынками и купцами, может быть описана в тех же категориях. Выше было упомянуто множество объектов. Аргумент акторно-сетевой теории таков: объект (например, корабль) остается объектом до тех пор, пока отношения между ним и связанными с ним объектами устойчивы и все сохраняется на своих местах»[1].

Социальная топология университета изучает университет как устойчивую конфигурацию (сеть) отношений между агентами: факультетами, кафедрами, преподавателями, студентами, ректоратом

1 Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей/под ред. В. С Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 227.

и т. д. При более общем рассмотрении социальная топология позволяет переключить исследовательское внимание с изучения университета на изучение университетской среды как такой же сети отношений, только агентами выступают уже не внутриуниверситетские образования, а другие социальные и политические игроки в регионе.

Принципиальное различие между языком социальной топологии Университета и другими теоретическими языками описания состоит в смене исследовательских систем релевантностей: если, условно, *«субстанциалистские» подходы рассматривают в качестве теоретически релевантных устойчивые сущности, «вещи»* (в случае институциональных и неоинституциональных подходов такими «вещами» могли бы быть кафедры, факультеты, студенческие организации, сами преподаватели, студенты и администрация), то *«реляционные подходы», к которым относится и социальная топология, переносят акцент теоретической значимости на отношения.*

Иными словами, принципиально важными оказываются не модусы существования отдельных элементов сети, не их субстанциальные характеристики, определяющие способ последующей организации отношений между элементами сети, а сами отношения. Социальная топология исходит из того, что именно отношения между актантами являются «конечной социальной онтологией», задающей модусы существования отдельных узлов сети. Проще говоря, меняются отношения — вслед изменяются и узлы сети.

Таким образом, социальная топология Университета изучает характеристики и способы организации отношений между различными контрагентами, составляющими Университет. В первую очередь для исследователя интересны сами отношения, способ объединения различных актантов в общую сеть — внутреннюю и внешнюю среды Университета.

В рамках этого подхода исследовательски проблематичным оказывается именно характер самого отношения. Что объединяет узлы сети в цельную сеть, составляющую внутреннюю среду университета? За счет чего различные «игроки» на внутриуниверситетском поле могут выстраивать друг с другом отношения? И, наконец, что в целом характеризует сеть отношений, составляющих Университет?

В рамках социальной топологии университетской среды мы предлагаем рассматривать механику выстраивания отношений между узлами сети на основании метафоры *видения*.

Видение предполагает взаимное наблюдение и различение. Иными словами, отношения между контрагентами *становятся возможными лишь тогда, когда они различают друг друга.* Характер различения, а также его условия, предопределяют модусы отношений и, в конечном итоге, модус бытования самих контрагентов. Метафоры видения и различения предполагают понятие *кода*, как общей ха-

рактеристики сети отношений. То, на основании какого кода осуществляется механизм различения, предопределяет отношения между агентами сети, *режим* сети отношений.

Как видят университеты? Дефект внутренней различительной способности

Итак, в рамках социальной топологии университета исследуются отношения, составляющие университетскую среду. Отношения понимаются на основании метафоры видения. Таким образом, в фокусе исследовательского внимания оказывается проблематика видения и различения университетскими агентами друг друга. В этой статье на основании данных социологического исследования политической жизни университетов[1] будет проанализировано то, как организовано «зрение» университетов. Конкретнее, на основании анализа кейса отношений между администрацией университетов и студентами будут выявлены механизмы различения, а также коды коммуникации, предопределяющие режимы сети отношений внутри университетов.

Анализ кейса того, как студенты и администрация видят друг друга, является интересным в силу того, что механика различения в данном случае организована очень сложным образом. Ни студенты, ни администрация не различают друг друга напрямую. Так, исследование показало, что *основным «дефектом» различительной способности администрации Университетов является неспособность увидеть отношения типа «студент-студент».* Те отношения, которые не выходят из студенческой среды, не считываются вузовской администрацией. Только то, что происходит при размыкании сети отношений между студентами, может быть различено: «то есть проблема отношений преподавателя и студента — это проблема. Проблема отношений преподавателя-преподавателя — это проблема. Проблема отношений студента и студента — это не проблема»[2].

---

1 Эмпирическое исследование включало в себя проведение 25 экспертных интервью и сбор количественных данных в ходе массового опроса студентов и абитуриентов вузов. В число экспертов вошли представители региональных министерств образования, преподаватели вузов, представители политических партий, руководители вузов, студенты из общественных или политических организаций, а также профессиональные исследователи высшего образования. На федеральном уровне было опрошено 11 человек. В рамках регионального анкетного опроса студентов и абитуриентов были опрошены обучающиеся на 1 и 4 курсах вузов и ученики 11 класса школ, собирающиеся подавать документы в один или более вузов (N=600).

2 Иркутск, экспертное интервью №2.

Некоторые эксперты связывают такой «дефект» различительной способности администрации вузов с размером университетской административной машины, которая вынуждена оперировать, в первую очередь, обобщенной информацией для «сканирования» ситуации в вузе: «в условиях такой гигантомании, как в МГУ или в СПбГУ, когда там 30, 40 тысяч, 50 тысяч, такие совершенно заоблачные цифры, не то что о политике нельзя говорить, вообще нельзя ни о чем говорить, кроме пресловутых индикаторов которые фигурируют в программе развития МГУ. <...> движение по этим цифрам, оно в принципе автономно осуществляется без всякой отсылки к реальности»[1].

В итоге основным инструментом видения администрацией студентов является работа с обобщенными показателями и цифрами.

Заметим, что таким же дефектом различительной способности обладают и студенты в отношении администрации. Для большинства студентов процесс принятия решений на уровне вуза или факультета остается «черным ящиком»: они не посвящены в административные и управленческие проблемы. В этом контексте мнение студентов относительно их способности влиять на принятие решений в вузе может показаться парадоксальным:

Способны ли студенты влиять на принятие решений в вузе?

Вариант ответа	Процент
да, студенты учавствуют наравне с другими	4,5
да, частично	48,3
скорее нет, чем да	39,1
безусловно нет	8,1

Распределение ответов по этому вопросу говорит о том, что в отношениях между администрацией и студентами существует неопределенная ситуация. Лишь около 5% студентов с уверенностью заявило, что они могут принимать участие в управлении университетом, и около 8% — что нет. Для почти 90% студентов их отношения с администрацией в известной степени неопределенны. Возможно,

1 Москва, экспертное интервью № 10.

часть из них считает, что их мнение значимо, а для второй половины, видимо, контакта совсем нет; возможно, даже есть какая-то отрешенность и представление, что их мнение ничего не значит. Если же обобщать такие расхождения — налицо отсутствие определенности с климатом внутри вуза.

Неопределенность отношений студентов и администрации обусловливается как раз тем, что не-образовательные аспекты студенческой жизни, индивидуальные проблемы студентов и студенческие инициативы практические не видны для администрации вузов и факультетов. Руководство их не различает.

Так, студентка-активист из Самары утверждает, что их студенческая организация долгое время не представляла интереса для администрации вуза и была полностью «невидимой» для ректора: «началось все у нас, конечно, с вуза. Сначала нас как бы ректор не сильно поддерживал. То есть он говорил: „Играйтесь, играйтесь“. Он не думал, что это все в такое серьезное мероприятие перерастет. Но как-то официально это называть не хотел. Вот, у нас есть студенческий совет, у нас есть профком, вот хватит нам, вы просто играйтесь. <...> И вот где-то год у нас это длилось «играйтесь, не замечаем»[1].

Та же ситуация наблюдалась в Иркутске при попытке организовать общественную студенческую организацию: «факультет нас вообще сначала не понял и не принял, и собрания нам не давали проводить и вообще... и нам предлагали присоединиться ко всем организациям другим, да? Вот. Мы не соглашались. Нам сказали, что вообще всех разгонят»[2].

Студенческая организация становится видимой для руководства университета лишь тогда, когда она начинает участвовать в решении административно-организационных проблем. Например, самарская студенческая организация стала поддерживаться руководством университета после того, как активно начала помогать в организации университетских мероприятий.

Важно заметить, что студенческие организации выступают важным посредником в организации взаимного различения администрации вузов и студентов. По утверждению респондентов, наиболее распространенным типом занятий студенческих объединений является, с одной стороны, организация досуговых и массово-культурных мероприятий (то есть работа внутри отношений студент-студент), а с другой стороны — решение проблем студентов, возникающих во время обучения, в результате контактирования с администрацией вузов.

1 Самара, экспертное интервью №7.

2 Иркутск, экспертное интервью №2.

Чем занимается студенческий совет на Вашем факультете?

Вариант ответа	Процент
Решение проблем в результате взаимодействия с администрацией факультета	52,8%
Решение проблем в результате взаимодействия с администрацией университета	26%
Организация студенческих праздников, выездов и т. п.	75,5%
Представители студенческого совета принимают участие в управлении факультетом	27,2%
Консультирует студентов по вопросам обучения	19,6%
Помощь с трудоустройством	9,4%

В целом, около 80% ответов респондентов идентифицирует то, что студсоветы и студенческие организации в их вузах занимаются решением проблем студентов в ходе взаимодействия с руководством факультета или университета (52,8% и 26% соответственно). В первую очередь, это проблемы организационно-административного характера.

Можно заключить, что, в целом, взаимное видение администрации и студентов носит опосредованный характер. Руководство университетов не имеет прямых контактов со студентами и вынуждено пользоваться такими посредниками, как студенческие советы, профсоюзы и другие официальные студенческие организации, которые транслируют информацию о проблемах студентов и их потребностях администрации. При этом в то время как администрация обладает двумя каналами опосредованного различения — статистически обобщенные показатели и студенческие организации — студенты, главным образом, могут «видеть» администрацию исключительно при посредничестве студенческих организаций. Иными словами, студенческие организации являются важными посредниками, помогающими администрации и студентам «сканировать» друг друга.

Такая ситуация приводит к означенной выше неопределенности отношений студентов и администрации. *Студенты и администрация представляются друг для друга двумя замкнутыми мирами — замкнутыми на себя сетями отношений.* Свои потребности в решении индивидуальных проблем внутри сети отношений или желание организовать культурно-развлекательные мероприятия студенты могут донести до администрации лишь при посредничестве студенческих организаций. При этом они могут быть осведомлены, что некоторые представители студсоветов и студенческих профсоюзов допущены к участию в заседаниях ученого совета университета или факультета, но механика принятия решений на этом уровне (как раз в силу отсутствия неопосредованных контактов) остается для них «черным ящиком» — отсюда и неуверенность в ответе на вопрос о возможности или невозможности студентов принимать участие в управлении университетом.

Коды взаимного различения

Способность взаимного различения является условием выстраивания отношений и коммуникации между различными агентами сети. То, на основании чего происходит взаимное различение, предопределяется устойчивыми кодами коммуникации. Таким образом, способ организации отношений администрации и студентов объясняется рядом глубинных факторов, лежащих в основании конфигурации отношений между студентами и администрацией. Именно эти факторы являются кодами коммуникации, на основании которых осуществляется взаимное различение студентов и администрации. В конечном итоге, они предопределяют режимы отношений администрации и студентов.

Для выявления этих факторов был предпринят разведывательный факторный анализ, в ходе которого выделилось 4 фактора[1]. Обратимся к ним подробнее:

1 Для факторного анализа режимов взаимодействия администрации и студентов к переменным, используемым в кластерном анализе, были добавлены переменные, измеряющие отношения, возникающие тогда, когда студенты пытаются как-то участвовать в управлении университетом и в университетской жизни. Эти отношения также были измерены на основании бинарных переменных в вопросах со множественным выбором. Для выделения факторов был предпринят анализ методом принципиальных компонент, реализованный в пакете SPSS. Значимость критерия Бартлетта составила 0,000%, что означает, что данные являются пригодными для факторного анализа. В результате анализа на основании критерия Кайзера было выделено четыре фактора, объясняющие в совокупности порядка 73% исходной информации. Для большей контрастности факторов матрица факторных была преобразована в результате вращения методом Варимакс.

Матрица факторных нагрузок

Исходные переменные[1]	Компонента			
	1	2	3	4
Студенты могут официально участвовать в управлении университетом	,895	,069	,269	,019
Студенты не участвуют в управлении, но к их мнению прислушивается руководство	,896	,068	,273	,053
Студенты осуществляют давление на администрацию	,030	,003	,787	,203
Решал проблемы через студенческий совет	,115	,069	,516	,210
Решал проблемы через старосту группы или курса	,068	,009	,585	,137
Решал проблемы через учебную часть	,063	,898	,146	,287
Решал проблемы сам, без посредников	,085	,862	,241	,320
Решал проблемы через студенческие или университетские организации	,067	,005	,156	,951

Первый фактор имеет сильную положительную корреляцию с уверенностью, что к мнению студентов прислушиваются неофициально. При этом он так же сильно отрицательно коррелирует с попытками организовать отношения с администрацией вуза через официальные каналы. С остальными переменными данная компонента имеет весьма низкие показатели корреляции. Этот фактор характеризует, в первую очередь, неофициальный, доверительный код коммуникации с администрацией вуза.

Уверенность, что к мнению студентов прислушиваются, распространена в студенческой среде. Это мнение приводит к сознательному отказу от попыток как-то официально или неофициально *влиять*

1 Первые три переменные описывают способы участия студентов в управлении вузом, последующие пять — способы, посредством которых студенты решали возникающие у них во время обучения проблемы.

на решения администрации: «Администрация слушает мнение студентов, учитывает его, и как бы в таких вопросах, которые напрямую касаются студенчества, а не просто организации управления в вузе. Это уже, извините, не наша сфера, да. Ректор на то и ректор, что он в этой сфере управляет. Студентов спрашивают. <...> А все, что касается усовершенствования со стороны студентов, мы вполне *можем* предлагать, и при обсуждении это все *может* быть услышано»[1].

Однако уверенность в том, что к мнению студентов прислушивается администрация и его учитывает в принятии решений, не подтверждается фактическим положением дел. На вопрос интервьюера, было ли хоть одно решение, принятое администрацией вуза по предложению студентов, респондент отвечает, что такого прецедента не было.

Таким образом, код неофициальной коммуникации студентов с администрацией приводит, фактически, к отсутствию этой коммуникации. Как ни странно, уверенность студентов в том, что к их мнению прислушиваются неофициально, играет на то, что взаимное видение администрации и студентов отсутствует — этот код просто-напросто не позволяет осуществить взаимное различение. Администрация не видит студентов и их проблемы, а студенты не участвуют в принятии решений в вузе.

Второй фактор имеет высокую позитивную корреляцию с решением проблем студентов через учебную часть, и высокие отрицательные показатели корреляции с самостоятельным решением проблем. Более всего этот фактор характеризует коммуникацию с руководством вуза через административных посредников, в первую очередь, через учебную часть.

В целом, это фактор, предопределяющий способы взаимодействия с администрацией, которые возникают в случае необходимости решения формальных вопросов. Вопросов, которые студенты не могут решить самостоятельно. Это может быть получение справок, оформление документов и официальных бумаг. Он заставляет студентов действовать через официальных посредников: учебную часть и другие официальные университетские организации. В конечном итоге, именно он предопределяет выбор опосредованных и официальных каналов коммуникации с администрацией вуза или факультета.

Код официальной опосредованной коммуникации позволяет сделать администрацию различимой для студентов, а студентов — для администрации через официальных посредников. Учебные части выступают медиатором видения в решении формальных вопросов. В конечном счете, именно они предоставляют обобщенные показа-

1 Самара, экспертное интервью №7.

тели, позволяющие администрации «видеть статистически», что происходит со студентами.

Важно, что учебные части являются официальными переводчиками с одного «языка» на другой: они переводят проблемы студентов на официальный язык, различимый и понятный для администрации вуза: язык цифр или официальных документов.

Третий фактор имеет достаточно высокие положительные связи с опосредованным решением проблем через официальных студенческих представителей: студсовет или старосту. При этом он отрицательно коррелирует с самостоятельным решением проблем без посредников. Также он имеет высокую отрицательную корреляцию с давлением на администрацию, и слабо положительно коррелирует с официальным участием в управлении вузом через студенческие организации.

Официальные студенческие посредники показывают высокую степень лояльности руководству вуза. Они поддерживают политику администрации по сглаживанию возникающих конфликтов и проблем, считают, что она обоснована и разумна: «..не потому, что они [руководство факультета], да, не то, что они не хотят решать проблемы, наверно, просто, может быть, они в чем-то и правы. Если поднимешь проблему, то начнется вот этот вот. В образовании еще миллион проблем»[1].

В принципе, этот фактор можно было бы охарактеризовать как коллективную студенческую лояльность руководству вуза или факультета, исходящую из технических соображений. Совместными усилиями администрация и студенческие образования поддерживают «нормальный ход образовательной машины» и предотвращают всевозможные сбои. Отсюда и лояльность студенческих образований руководству и, в известной степени, лояльность руководства студенческим образованиям: «Ни у кого никаких конфликтов. Все мило. Потому что профсоюзы нужны факультетам, а факультеты нужны профсоюзу» (Иркутск, экспертное интервью №2).

Основная прагматика, стоящая за такой лояльностью, может быть описана следующим образом: есть устойчивые и более или менее работающие отношения между преподавателями и студентами, студентами и студентами, студентами и администрацией. Иногда в работе образовательного механизма возникают сбои, которые потенциально могут представлять опасность для этих устойчивых отношений. Одна проблема может потащить за собой множество других. И чтобы не допустить эскалацию конфликта и разрушение конфигурации устойчивых отношений (политические преобразования в вузе), необходимо «топить» проблемы и сглаживать потенциально опасные конфликты.

1 Иркутск, экспертное интервью №2.

Код «опосредованной лояльной коммуникации» через студенческих представителей позволяет студентам доносить проблемы до администрации, минуя «официального переводчика» — учебные части. Важно, что студенческие организации тоже являются медиатором, однако их способность перевода отличается от способности перевода учебных частей. Студенты и обращаются к официальным студенческим посредникам, потому что это единственный путь быть увиденными администрацией вуза в конфликтных ситуациях — один из немногих способов выйти из замкнутой сети отношений студент-студент — и наиболее эффективный способ разрешить конфликтные ситуации.

Неудивительно, что этот фактор предопределяет организацию интерфейса между администрацией и студентами через посредничество официальных студенческих представителей. Иными словами, когда в студенческой среде возникают серьезные конфликтные ситуации или некоторое недовольство, взаимодействия с администрацией по этому поводу организовывается путем привлечения официальных студенческих организаций: студенты обращаются в студсовет или студенческие профсоюзы, а те в свою очередь доносят информацию до руководства факультета или университета.

Наконец, четвертый фактор имеет наибольшую положительную корреляцию с не-опосредованными способами решения собственных проблем. Он предопределяет самостоятельность во взаимодействии с администрацией, избегание посредничества неофициальных студенческих организаций. Показательно, что это единственный фактор, имеющий положительную корреляцию с давлением на администрацию. Также показательно, что выраженность давления на администрацию здесь не очень велика (показатель корреляции порядка 0,2).

Этот фактор характеризует, с одной стороны, большую степень самостоятельности студентов. С другой стороны, он указывает на использование всех более или менее действенных средств решения возникающих вопросов и проблем (будь то учебная часть, студенческий совет или староста группы и т. п.). Можно сказать, что, в целом, этот фактор определяет не только самостоятельность, но и некоторую агрессивность в поведении студентов по отношению к администрации. Это выражено и в положительной связи этого фактора с давлением на администрацию вуза.

Как отмечают эксперты, студенты действительно могут достаточно неорганизованным и индивидуальным образом в ряде случаев противостоять политике администрации, например, открыто выступая против нее и критикуя (Самара, экспертное интервью № 4). Однако это всегда слабо выраженное противостояние, проявляю-

щееся в разрозненных попытках оказать давление на администрацию. Так, один эксперт очень удачно назвал такие единичные случаи микросопротивлением: «мы в России не имеем явно выраженного студенческого протеста массового, как, например, в Украине современной, он там есть. Но мы имеем очень много примеров такого микросопротивления»[1].

Неорганизованность такого сопротивления выливается в то, что студенты никогда не вступают в отношения с администрацией для отстаивания собственных прав. Пассивность студентов в этом вопросе отмечают как эксперты из студенческих организаций (Иркутск, экспертное интервью № 2), так и внешние эксперты (Самара, экспертное интервью № 2).

Этот код коммуникации принципиально противоположен коду официального или неофициального посредничества. Если предыдущие коды характеризуются механикой выстраивания видения через лояльность, то этот — через сопротивление. Студенты становятся видимыми для администрации не потому, что выбирают «удобных» посредников, а потому, что делают видимыми себя сами. Именно поэтому этот код менее всего располагает студентов выбирать в качестве посредников коммуникации с администрацией различные студенческие организации. Если студенты собираются канализировать микросопротивление через неофициальные студенческие организации, то это невозможно в силу их полной выключенности из сетей отношений администрация-студенты. Использование же официальных студенческих организаций непродуктивно в силу их полной аполитичности и лояльности администрации.

Заключение

Социальная топология университетов позволяет увидеть университет не как субстанцию, институт, пассивного объекта или игрока, встроенного в институциональные игры, а как сеть отношений между составляющими актантами. Это дает возможность понимать университет как изменчивую и подвижную организацию, меняющуюся вслед за трансформацией сети отношений.

В этой работе отношения между узлами сети, составляющими университет, были определены на основании метафоры видения. Отношения существуют лишь тогда, когда контрагенты различают друг друга. Анализ кейса взаимодействия администрации вузов и студентов позволил выявить несколько кодов коммуникации, позволяющих устанавливать отношения различения.

1 Москва, экспертное интервью № 10.

Кейс отношений администрации и студентов интересен потому, что они представляют два замкнутых на себя мира — почти неразличимых друг для друга. Возможность установить отношения видения напрямую практически отсутствует — уверенность, что существуют неофициальные прямые каналы коммуникации между администрацией и студентами фактически приводит к отсутствию коммуникации и взаимного видения.

Поэтому для того, чтобы видеть друг друга, администрации и студентам приходится задействовать посредников-переводчиков: официальных (учебные части) и неофициальных (студенческие организации). Способность перевода и код коммуникации этих посредников различен; следовательно, и выбор канала коммуникации и кода различения определяется характером возникающей потребности взаимодействия.

Все три режима коммуникации и кода различения характеризуются лояльностью руководству. Студенты остаются невидимыми для руководства до тех пор, пока они лояльны. Единственным способом, которым студенты могут сделать себя видимыми для администрации напрямую, остается включение режима «микросопротивление». В этом случае нарушения прямой лояльности руководству студенты становятся проблемой, требующей прямого различения и локализации — в этом состоит прагматика прямого видения администрации.

Библиография

1. *Alwin D. F., Cohen R. L., Newcomb T. M., Political Attitudes over the Lifespan: The Bennington Women after Fifty Years // Political Psychology, Vol. 15, No. 3 (Sep., 1994), pp. 595–598.*
2. *Burris ., The Social and Political Consequences of Overeducation // American Sociological Review, 1983, Vol, 48, August, pp. 454–467.*
3. *Edelstein A. S., Evidence of Change in Student Political Behavior // The Public Opinion Quarterly, Vol. 26, No. 4, pp. 564–577.*
4. *Greeley A. M., Spaeth J. L., Political Change Among College Alumni // Sociology of Education, Vol 43. No. 1 (Winter, 1970) pp. 106–113.*
5. *Gross E. Universities as Organizations: A Research Approach // American Sociological Review, Vol. 33, No. 4 (Aug., 1968), pp. 518–544.*
6. *Hardy C. Configuration and Strategy Making in Universities: Broadening the Scope // The Journal of Higher Education, Vol. 62, No. 4 (Jul. — Aug., 1991), pp. 363–393.*
7. *Hillygus S. D., The missing link: exploring the relationship between higher education and political engagement. Political Behavior Vol. 27 No. 1 March 2005, pp. 25–47.*
8. *Hoover K. H., Using Controversial Issues to Develop Democratic Values among Secondary Social Studies Students // The Journal of Experimental Education, Vol. 36, No 2, 1967, pp. 64–69.*
9. *Knoke, D., A Causal Model for the Political Party Preferences of American Men //*

American Sociological Review 37, December 1972, pp. 679–89.

10. *Knoke, D., Isaac K., Quality of Higher Education and Sociopolitical Attitudes // Social Forces 54, March 1976, pp. 524–29.*
11. *Marston A. D. Wartime Role for Colleges and Universities // Military Affairs, Vol. 18, No. 3, Autumn 1954, pp. 131–144*
12. *Mason T. C., Arnove R. F., Sutton M. Credits, curriculum and control in higher education: cross-national perspectives. Higher Education, Vol. 42 No. 1, July 2001, pp. 107–137.*
13. *McLendon M. K., Hearn J. C., Deaton R. Called to account: analyzing the origins and spread of state performance-accountability policies for higher education // Educational Evaluation and Policy Analysis Vol. 28, No. 1, Spring 2006, pp. 1–24.*
14. *Meyer M. W. Harvard Students in the Midst of Crisis // Sociology of Education, Vol. 44, No. 3, Summer 1971, pp. 245–269.*
15. *Meyer J. W., Rubinson R. Structural Determinants of Student Political Activity: A Comparative Interpretation // Sociology of Education, 1972, Vol. 45, Winter, pp. 23–46.*
16. *Muller E. N., Jukam T. O., Seligson M. A. Diffuse Political Support and Antisystem Political Behavior: A Comparative Analysis // American Journal of Political Science, Vol. 26, No. 2, May 1982, pp. 240–264.*
17. *Olafson F. A., Democracy, «High Culture», and the Universities // Philosophy and Public Affairs, Vol. 2, No. 4, Summer1973, pp. 385–406.*
18. *Petersom R. G. Environmental and Political Determinants of State Higher Education Appropriations Policies // The Journal of Higher Education, Vol. 47, No. 5, Sep. — Oct. 1976, pp. 523–542.*
19. *Pomper G. Voter's Choice. New York: Dodd, Mead, 1975.*
20. *Sharkansky . Economic and Political Correlates of State Government Expenditures // Midwest Journal of Political Science, 11, May 1967, pp. 173–92.*
21. *Shepherd G., Shepherd G. War and Dissent: The Political Values of the American Professoriate // The Journal of Higher Education, Vol. 65, No. 5, Sep. — Oct. 1994, pp. 585–614.*
22. *Shillony B. A. Universities and Students in Wartime Japan // The Journal of Asian Studies, Vol. 45, No. 4, Aug. 1986, pp. 769–787.*
23. *Shimbori M. Zengakuren: A Japanese Case Study of A Student Political Movement // Sociology of Education, Vol. 37, No. 3, Spring 1964, pp. 229–253.*
24. *Shmidtlein F., Taylor A. Processes Employed by Graduate/Research Universities in Response to Strategic Issues // Tertiary Education and Managment Vol. 3, No. 1 1997, pp. 52–62*
25. *Tonn J. C. Political Behavior in Higher Education Budgeting // The Journal of Higher Education, Vol. 49, No. 6, Nov. — Dec. 1978, pp. 575–587.*
26. *Wagooner G. R. Latin-American Universities // The Journal of Higher Education, Vol. 40, No. 5, May 1969, pp. 402–405.*
27. *Waldo D. The University in Relation to the Governmental-Political// Public Administration Review, 30, March/April 1970, pp. 106–113.*
28. *Weiner T. S., Eckland B. K. Education and Political Party: The Effects of College or Social Class? // The American Journal of Sociology, Vol. 84, No. 4, Jan. 1979, pp. 911–928.*
29. *Wildavsky A. Political Implications of Budgetary Reform // Public Administration Review, 21, 1961, pp. 183–190.*
30. *Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей/Сборник под ред. В. С Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006.*